

В первый же день поездки Дзинпэй Мацуда и Кэндзи Хагивара проснулись ни свет ни заря. Едва пробило шесть, и за окном только-только брезжил рассвет.

Кэндзи распахнул окно, выходящее на горы. Не успел он восхититься свежим утренним воздухом, как с вершин налетел ледяной порыв ветра и бесцеремонно ударил ему в лицо. Приятелю пришлось спешно задвинуть раму обратно.

Только что умывшийся Дзинпэй вышел из ванной и, застав эту картину, откровенно заржал. Впрочем, Хагивара, в шутку оскорблённый в лучших чувствах, тут же задал ему трёпку.

Гостиница располагалась на отшибе, и когда приятели спустились в обеденный зал, там было безлюдно. Они выбрали столик у окна, откуда отлично просматривался внутренний дворик, усаженный аютиными глазками.

Дзинпэй поднял глаза и наткнулся на целую ораву цветов, которые выглядели подозрительно бодрыми и буквально буравили его немигающим взглядом.

Мацуда только и смог безмолвно выдать:

—...

— Что стряслось, Дзинпэй-тян?

Кэндзи как раз закончил переписываться с сестрой. Заметив, с какой сложной миной друг детства уставился в окно, он озадаченно проследил за его взглядом — и тут же всё понял.

— Ха-ха-ха! — Хагивара прикрыл рот ладонью, пытаясь сдержать рвущийся наружу хохот. Смеясь одними глазами, он навёл камеру смартфона на клумбу, чтобы непременно поделиться этим шедевром природы с Тихаей.

Эти цветы не зря прозвали «кошачьими мордочками» или «цветами с человеческим лицом». Фиолетовый оттенок нижних лепестков плавно перетекал в жёлтый, а в самом центре красовался тёмно-пурпурный узор, напоминающий крылья бабочки. Из-за этого контраста каждый бутон выглядел в точности как хмурая физиономия усатого мужика с кустистыми бровями.

— Когда здесь сидишь, не покидает чувство, что эта банда сейчас выпрыгнет из клумбы и набьёт нам морду, — с глубоким сомнением в голосе произнёс Мацуда. Вместо расслабленного любования садом у него складывалось стойкое впечатление, что они завтракают в плотном окружении восемнадцати угрюмых качков.

— Дзинпэй-тян, а у тебя отличное чувство юмора! — Кэндзи задумчиво потёр подбородок. — Восемнадцать здоровяков вокруг... По-моему, звучит как максимальный уровень безопасности,

а?

С этими словами он шутливо показал другу большой палец в знак одобрения.

Мацуда, не оценивший сомнительного комплимента, даже бровью не повёл. Вместо ответа он просто со всей дури пнул шутника под столом.

— Это произвол! Это дедовщина и насилие! — зашипел Хагивара, потирая ушибленную голень. Но тут его взгляд зацепился за нечто куда более интересное. Забыв про ноющую ногу, он заговорщически кивнул Мацуде, призывая того обернуться.

Дзинпэй скептически выгнул бровь, но рассудил, что после заслуженного пинка друг не посмеет его разыгрывать. Он обернулся. Хватило одного взгляда, чтобы заметить торчащий на чьей-то макушке задорный хохолок, изогнутый аккурат как бумеранг.

—...

Дзинпэй пару секунд недоверчиво разглядывал это чудо природы, а затем повернулся к Хагиваре с искренним недоумением на лице:

— Слушай, мне кажется, или вчера этот вихор изгибался под совсем другим углом?

— Вчера он заметно ник книзу, — Кэндзи согнулся пополам, изо всех сил стараясь скрыть расплзающуюся по лицу широченную ухмылку. — А сегодня прямо-таки рвётся ввысь. Словно вчера у него было процентов пять заряда, а сегодня — все сто.

Дзинпэй лишь снисходительно хмыкнул — восторга товарища он явно не разделял. Впрочем, когда официант наконец принёс их заказ, все посторонние мысли тут же вылетели у них из головы, и приятели увлечённо принялись за еду.

\*\*\*

Гюнтер фон Гольдберг Второй с лихвой оправдывал славу выдающегося иллюзиониста. И пускай Дзинпэй с Кэндзи прекрасно понимали, что вся эта магия — лишь искусный гипноз, мгновенное преобразование закрытого зала в бескрайнюю чащу всё равно заставило их искренне изумиться.

— Дзинпэй-тян, полное ощущение, будто нас за секунду перенесло в настоящий лес, — прошептал Кэндзи, во все глаза разглядывая опустившуюся на его ладонь бабочку. Едва заметное, щекочущее прикосновение крыльев заставляло мозг поверить, что всё это происходит наяву.

— Даже жутковато, если вдуматься, — Кэндзи поёжился и потёр предплечья, когда бабочка улетела. — Такой глубокий гипноз способен за долю секунды полностью обмануть разум.

— Хотя нет, про мгновение я, пожалуй, загнул, — тут же поправил он сам себя, задрав голову вверх, где под куполом парил ребёнок в образе ангелочка. — Нас начали обрабатывать ещё до того, как этот Гюнтер фон Гольдберг Второй ступил на сцену. Тот огромный красный паучий глаз на экране...

Стоило Кэндзи замолчать, как наваждение спало, и вокруг снова проступили обычные стены зала. И пусть молодые люди прекрасно понимали, что всё представление — чистой воды манипуляция сознанием, они, поддавшись общему восторгу, от души захлопали вместе с остальными зрителями.

Из театра они вышли под глубоким впечатлением. Кэндзи так и фонтанировал идеями: он всерьёз заинтересовался тонкостями гипноза, уверяя, что с такими навыками стал бы абсолютным королём среди девушек. Дзинпэя же, верного своей страсти к механизмам, больше занимала техническая сторона шоу. Как бы хорошо он ни разбирался в инженерии, оценить устройство сложных приспособлений по одному лишь внешнему виду было невозможно — тут требовалось лично всё разобрать до последнего винтика.

Приятель переглянулись, и в глазах каждого промелькнуло искреннее сожаление.

— Дзинпэй-тян, как насчёт выставки в Особняке Опадающей Луны? — Хагивара листал заметки в телефоне. — Пишут, что там сейчас экспонируется знаменитая «Афродита».

— Мне без разницы, — лениво отозвался Дзинпэй.

В этой поездке он преследовал лишь одну цель — как следует разгрузить голову. Они с Кэндзи вообще не любили строгих планов, предпочитая колесить без чёткого маршрута: ехали куда глаза глядят и останавливались там, где понравится.

До закрытия павильона оставалось ещё добрых шесть часов. Прикипев к этой мысли, приятели единодушно решили, что сначала нужно как следует набить животы, а уже потом отправляться на экскурсию.

Обедать они отправились в ресторанчик якинику, который Кэндзи предусмотрительно откопал в кулинарном приложении — отзывы обещали отменное мясо на гриле.

Свободного времени оказалось так много, что после сытной трапезы они умудрились вернуться в отель и немного вздремнуть. Собрались в путь они лишь под вечер, когда горизонт уже вовсю полыхал багровым закатом.

Дорога заняла от силы минут двадцать, и вскоре перед ними вырос величественный Особняк

Опадающей Луны. Окружающий пейзаж завораживал: тихая зелень холмов, чистая озёрная гладь, в которой плавилось заходящее солнце, и редкие росчерки птичьих крыльев в угасающем небе.

— Каков размах, — протянул Дзинпэй, оценивающе разглядывая помпезный фасад в западном стиле.

Входную группу венчали четыре белоснежные шестиметровые колонны, сплошь покрытые искусной резьбой с изображением ангелочков. Интерьер главного холла и вовсе слепил глаза позолотой и хрусталём. На секунду парням показалось, будто они ошиблись дверью и попали не на художественную выставку, а на закрытый бал для аристократов.

— Что ж, любезный и весьма недурный собой сударь, — Кэндзи отвесил изысканный поклон, изо всех сил сдерживая рвущийся наружу смех. — Позволено ли мне будет надеяться на турвальса с вашей утончённой персоной?

— Отчего же нет, — Дзинпэй ожёг его высокомерным взглядом. Он скрестил руки на груди и вскинул подбородок с таким видом, что в нём действительно проступило высокомерие какой-нибудь богатой наследницы. — Но учти: женскую партию я не танцую.

— Ах, какая жалость, — лицо Кэндзи тут же приняло комично-страдальческое выражение отвергнутого воздыхателя. — Ведь я тоже не танцую женскую партию.

Они дружно расхохотались. Большинство посетителей осмотрели экспозицию ещё утром, и теперь в гулких залах Особняка Опадающей Луны, кроме них двоих, не было ни души.

Перешучиваясь на ходу, они наконец добрались до главного сокровища выставки — драгоценного камня под названием «Афродита».

Нежно-розовый самоцвет покоился в самом центре зала под защитным стеклянным куполом. Нижняя подсветка заставляла его грани переливаться мягким, почти мистическим сиянием.

— Дзинпэй-тян, — негромко позвал Кэндзи. — Тебе не кажется, что здесь как-то странно?

— Есть такое, — отозвался Дзинпэй, хмуро разглядывая драгоценность. — Стоит мёртвая тишина. Неужели тут нет ни одного сотрудника?

— Поначалу я не обратил внимания, — Кэндзи нахмурился, ладони его невольно сжались в кулаки от внезапного предчувствия беды. — Но мы ходим здесь уже добрых полчаса, и до сих пор никого не встретили. Вряд ли владельцы особняка настолько верят в честность гостей, когда речь идёт о миллионах.

— Я тут прикинул, — Дзинпэй продолжал изображать праздный интерес к экспонату, но взгляд

его стал цепким и холодным. — От главного входа до этого зала висит ровно двенадцать камер. Судя по светодиодам, все они работают.

— Вот только смотрит ли сейчас кто-нибудь на мониторы по ту сторону? — негромко спросил Кэндзи.

Приятели переглянулись, и обоим стало не по себе. По залу словно пронёсся ледяной сквозняк.

Дзинпэй не успел вставить ни слова — в ту же секунду все лампы в выставочном зале разом погасли, погрузив особняк в абсолютную тьму.

<http://bllate.org/book/18343/1793184>